

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЛЕГАЛЬНЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Л.А. Прохоров¹⁾, М.Л. Прохорова²⁾

¹⁾ Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: booliqang@mail.ru

²⁾ Кубанский государственный аграрный университет, 350044, г. Краснодар, ул. Климова, 13;
e-mail: booliqang@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются вопросы квалификации преступных посягательств, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Анализ соответствующих обстоятельств предлагается в соответствии с их классификацией, представленной авторами. В статье высказываются и обосновываются предложения о формировании новых квалифицированных видов указанных преступных посягательств.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности и наказания, квалифицированный состав, квалифицирующий признак, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом.

В системе средств дифференциации уголовной ответственности и наказания, в том числе и за преступные посягательства, связанные с незаконным оборотом наркотиков, немаловажное место занимает конструирование квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений.

В специальной литературе отмечается двойственная природа квалифицирующих признаков, лежащих в основе названных видов составов. Во-первых, вводя в совокупность признаков определенного состава преступления, обладая характерными для него чертами, они влияют на уголовно-правовую оценку содеянного, изменяют санкцию, отражающую специфику диспозиции, и, соответственно, пределы наказуемости [1]. Во-вторых, они используются для конструирования более опасной (в той или иной мере) разновидности преступных деяний [2], законодательное существование которых возможно и при отсутствии этих обстоятельств – в форме основного состава.

Формируя практически все составы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, законодатель предусмотрел для них в том или ином объеме набор квалифицирующих признаков, то есть обстоятельств, существенно повышающих степень общественной опасности деяния в сопоставлении с основным составом. Исключение образует деяние, названное в ст. 233 УК «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ», представленное лишь основным составом. Составы трех преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», ст. 229 УК «Лишение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ» и ст. 230 УК «Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ», сконструированы по схеме: основной состав – квалифицированный состав – особо квалифицированный состав. Четыре посягательства, предусмотренные ст. 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», 228.2 «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», ст. 231 УК «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию

растений, содержащих наркотические вещества» и ст. 232 УК «*Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ»*, облечены в форму основного и квалифицированного составов.

Само собой разумеется, что специфика рассматриваемых преступлений, особенности их объективных и субъективных признаков предопределили и различный по объему и содержанию набор квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков для каждого из посягательств. В отдельных случаях некоторые отягчающие обстоятельства совпадают, то есть характеризуют квалифицированные составы всех или ряда преступных деяний рассматриваемого вида, иногда же они являются сугубо индивидуальными, присущими только одному из преступлений. Тем не менее, их можно определенным образом сгруппировать по тому или иному основанию. *Первая группа* квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков обусловлена совершением преступлений в соучастии, к ним относятся такие признаки, как совершение преступления *группой лиц по предварительному сговору* или *организованной группой* (п. «а» ч.2; п. «а» ч.3 ст. 228.1; п. «а» ч.2; п. «а» ч.3 ст. 229; п. «а» ч.2 ст. 230; п. «а» ч.2 ст. 231; ч.2 ст. 232 УК). *Вторую группу* образуют обстоятельства, характеризующие специфику предмета посягательства – это совершение деяния в отношении наркотических средств, психотропных веществ (в некоторых случаях – их аналогов) *в крупном размере* либо *в особо крупном размере* (ч.2 ст. 288; п. «б» ч.2; п. «г» ч.3 ст. 228.1; п. «б» ч.3 ст. 229; п. «в» ч.2 ст. 231 УК). *Третья группа* – это обстоятельства, обусловленные спецификой оказываемого на потерпевшего влияния в ходе совершения преступления, а именно применение к нему *насилия* либо *насилия, опасного для жизни или здоровья*, а равно угрозу применения такого насилия, применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угрозу применения такого насилия, применение насилия или угрозы его применения (п. «г» ч.2; п. «в» ч.3 ст. 229; п. «г» ч.2 ст. 230 УК). *Четвертую группу* образует обстоятельство, отражающее особенности субъекта совершения преступления, – *лицом с использованием своего служебного положения* (п. «б» ч.3 ст. 228.1; п. «в» ч.2 ст. 229 УК). В *пятую группу* входит признак, характеризующий круг потерпевших, – это совершение преступления в отношении *заведомо несовершеннолетнего; лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста* либо *двух или более лиц* (п. «в» ч.2; п. «в» ч.3 ст. 228.1; п. «в» ч.2 ст. 230 УК). *Шестая группа* включает в себя отягчающее обстоятельство, связанное с наступлением определенных последствий в результате совершения преступного посягательства, а именно – *причинение по неосторожности вреда здоровью человека, смерти потерпевшего или иных тяжких последствий* (ч.2 ст. 228.2; ч.3 ст. 230 УК). Наконец, *седьмая группа* представлена обстоятельством, характеризующим мотивацию содеянного, – совершение преступления *из корыстных побуждений* (ч.2 ст. 228.2 УК).

Анализ признаков, квалифицирующих и особо квалифицирующих составы рассматриваемых преступлений, начнем с обстоятельств, совпадающих при характеристике ряда преступных посягательств.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Содержание этого признака раскрывается в ч.2 ст. 35 УК, где установлено, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Речь идет о ситуации, когда два или более субъекта соответствующего преступления (то есть вменяемые и достигшие возраста уголовной ответственности), заранее, то есть до начала совершения преступления, выполнения его объективных сторон, договорившись о его совершении, впоследствии совместно в нем участвуют. Исходя из формулировки части 2 ст. 35 УК и сопоставления ее с положением, закрепленным в части первой этой же статьи*, мы приходим к выводу, что в ней под лицами, участвовавшими в совершении преступления, закон понимает любых соучастников в количестве не менее двух

* Часть 1 ст. 35 УК устанавливает, что «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя (выделено нами – Акт.) без предварительного сговора».

человек. Набор соучастников может быть самым разнообразным: два соисполнителя; организатор и исполнитель; пособник, подстрекатель и исполнитель (или несколько соисполнителей) и т.д.

Мы не можем согласиться с мнением о том, что при совершении преступления по предварительному сговору группой лиц в нем непременно должны принимать участие, как минимум, два исполнителя, хотя эта позиция является ведущей в теории уголовного права и достаточно давно устоявшейся [3, 4]. Во-первых, подобный вывод вряд ли следует из текста закона, который говорит о лицах, участвующих в совершении преступления, не называя конкретный вид соучастников (в отличие от формулировки ч.1 ст. 35 УК). Следовательно, здесь предполагается как соисполнительство с предварительным сговором, так и соучастие в тесном смысле, то есть с разделением ролей. Во-вторых, не совсем понятно, почему авторы этой позиции отождествляют суть понятия группы и понятия соисполнительства. По их мнению, ядро этой группы должны составить, как минимум, два исполнителя, а вокруг могут вращаться пособники, подстрекатели, организаторы. Представляется, группа в наличии и тогда, когда в совершении преступления участвуют, например, пособник и исполнитель. Сущность соучастия – совершение преступления совместными усилиями нескольких лиц* – сохраняется и при подобном сочетании участников совершения преступления. Общественная опасность совершенного посягательства, бесспорно, выше, чем у деяния, совершенного одним лицом, поскольку действия исполнителя подкреплялись действиями пособника, без которых преступление, возможно, вообще не могло произойти. Но ведь квалифицируя деяние в описанной ситуации без применения признака совершения его группой лиц по предварительному сговору, мы, тем самым, игнорируем характерную для него повышенную степень общественной опасности.

Мы не одиноки в своем понимании содержания рассматриваемого квалифицирующего признака. В частности, авторы Постатейного комментария к УК РФ отрицают необходимость непосредственного соисполнительства при совершении преступления такой группой лиц и отмечают, что сговор в этой ситуации «для того и производится, чтобы при необходимости для облегчения совершения технически разделить функции» [5]. С.М. Кочев справедливо полагает, что «ограничение формы соучастия в п. «а» ч.2 ст.158 УК РФ соисполнительством ... не основано на законе», так как является обязательным признаком только группы, предусмотренной ч.1 ст. 35 УК [6,7].

Таким образом, квалифицирующим признаком «совершения преступления группой лиц по предварительному сговору», на наш взгляд, охватывается соисполнительство с предварительным соглашением и соучастие с разделением ролей (при любом количестве исполнителей). Каких-либо ярко выраженных особенностей вменения этого признака применительно к рассматриваемой группе преступлений не существует. Но следует обратить внимание на специфику соисполнительства при совершении деяний, предусмотренных ст. ст. 228, 228.1, 231, 232 УК. По структуре состава данных посягательств являются сложными, поскольку их объективная сторона предполагает совершение альтернативных действий. В связи с этим при исполнении названных преступлений возможно разделение ролей в рамках объективной стороны состава. Например, вступив в предварительный сговор, группа совершает деяние, предусмотренное ст. 228.1 УК, по следующей схеме: одно лицо незаконно производит героин, другое его пересылает в иной населенный пункт, где третий участник этот наркотик сбывает. Все лица, участвующих в совершении этого преступления, надлежит признавать соисполнителями, поскольку они выполняют деяния, входящие в объективную сторону и имеющие самостоятельное значение.

Совершение преступления организованной группой. Наличие подобного квалифицирующего признака значительно повышает степень общественной опасности соответствующего преступления, которая в этой ситуации гораздо выше и степени опас-

* Мы абстрагируемся в данном случае от иных признаков соучастия.

ности преступлений, совершаемых группой лиц по предварительному сговору. Данный вывод основывается на анализе специфики организованных групп. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Именно наличие свойства устойчивости и нацеленность такой группы, как правило, на совершение ряда преступлений предопределяет ее повышенную вредоносность и злокачественность. Об устойчивости как необходимым признаке организованной группы могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений [8, 9, 10, 11, 12].

В теории уголовного права общепризнанно, что между участниками организованной группы может осуществляться распределение ролей, то есть не обязательно им всем являться исполнителями конкретных совершенных преступлений, однако на квалификацию их действий данное обстоятельство не влияет.

Применение данного признака в отношении рассматриваемой группы преступлений также не отличается спецификой. Однако на отдельные моменты все-таки следует обратить внимание.

Первое: при конструировании квалифицированных составов склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК) и незаконного культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК), законодатель объединяет в одном пункте одной части указанных статей (п. «а» ч. 2) два самостоятельных квалифицирующих признака – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение его организованной группой. Подобное соединение вряд ли можно признать обоснованным, на что уже указывалось в специальной литературе и нами, и иными авторами [13, 14, 15]. Во-первых, подобным подходом закон нивелирует степень общественной опасности этих двух форм соучастия, которая, объективно, без сомнения, существенно различается. Во-вторых, законодатель, тем самым, нарушает логику формирования статей Уголовного кодекса, который сам же в большинстве случаев придерживается, распределяя эти признаки по разным частям статьи, содержащим и различные санкции.

Второе: в специальной литературе было высказано предложение о включении в содержание статей 228 (в прежней редакции), 229, 232 УК такого квалифицирующего признака, как совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией). На наш взгляд, это совершенно излишне и является, скорее, конъюнктурным, нежели конструктивным предложением, основанным на общепризнанном заключении о том, что наркобизнес является одним из основных структурных элементов организованной преступности. Дело в том, что факт совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией) в любом случае будет отражен в квалификации содеянного обязательным применением ст. 210 УК, что, само собой, окажет влияние и на назначение наказания. Включение предлагаемого квалифицирующего признака приведет к дублированию отягчающего обстоятельства, поскольку применение ст. 210 УК все равно останется необходимым, ибо ст. ст. 228.1, 229 и 232 не охватывают создание, руководство преступным сообществом (преступной организацией), а равно участие в них, состоящее в совершении иных действий, помимо указанных в названных статьях.

Анализируя признаки, квалифицирующие и особо квалифицирующие рассматриваемые преступные посягательства и их распределение по соответствующим составам, нельзя не согласиться с мнением Л.Л. Крутликера, отмечающего: «К сожалению, не наблюдается прогресса в Уголовном кодексе РФ в части использования устойчивых сочетаний («набора») квалифицирующих признаков – в каждом квалифицированном составе он свой, отличающийся от других... Конечно, вид преступления не может не накладывать своего отпечатка на виды квалифицирующих обстоятельств, но, с другой

стороны, в пределах одной квалификационной группы должны быть используемы устойчивые сочетания (выделено нами – Авт.) квалифицирующих признаков, виды последних, в основном, должны совпадать» [16].

В рамках же рассматриваемой классификационной группы прослеживается ярко выраженный разбой в содержании наборов квалифицирующих признаков, предусмотренных для исследуемых составов преступлений. В этой части законодательство явно нуждается в совершенствовании, в процессе которого должны быть решены следующие задачи: «1) правильно определить круг обстоятельств, характерных для каждой квалификационной группы преступлений внутри главы и могущих выступать в роли квалифицирующих признаков; 2) наметить типичные сочетания признаков, которые разумно использовать многократно, как бы «по шаблону», при конструировании квалифицированных составов преступлений одной классификационной группы» [17].

Совершение преступления в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном или особо крупном размерах. Установление содержания этих квалифицирующих признаков в настоящее время сложностей не представляет, поскольку оно формализовано и крупный, особо крупный размеры не являются, как прежде, оценочными категориями [18].

В части регламентации названных обстоятельств законодатель так же не вполне последователен. Так, в п. «б» ч. 3 ст. 229 УК содержится указание на такой признак, как совершение хищения в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере, но по непонятным причинам законом не предусмотрено для данного состава такое квалифицирующее обстоятельство, как совершение этого посяательства в особо крупном размере. Как верно отмечается в специальной литературе, «отсутствие в ч. 3 ст. 229 УК РФ признака «особо крупный размер» придает конструкции особо квалифицированных видов преступления незавершенный вид и обуславливает необходимость расширенного толкования признака «крупный размер» в п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ» [19]. В связи с этим вполне обоснованным и логичным выглядит вывод о необходимости перемещения признака совершения хищения либо вымогательства в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере в ч. 2 ст. 229 УК и о дополнении ее части 3 признаком совершения их в особо крупном размере.

Ситуация, аналогичная предыдущей, складывается и в отношении деяния, предусмотренная ст. 231 УК «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества». Пункт «в» ч. 2 ст. 231 УК называет такой квалифицированный вид деяния, как совершение его в крупном размере. Указание же на такое обстоятельство, как совершение преступления в особо крупном размере, почему-то в статье отсутствует. Надлежит дополнить статью 231 УК третьей частью, где, наряду с признаком «совершение преступления организованной группой», указать признак «совершение преступления в особо крупном размере».

Совершение преступления с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия. Этот квалифицирующий признак предусмотрен законом лишь для преступления, названного в ст. 229 УК «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ». Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, а равно угрозы его применения характерно для такой формы хищения, как насильственный грабеж. Применение насилия означает непосредственное физическое воздействие виновного на потерпевшего вопреки воле последнего, нарушающее его телесную неприкосновенность. Закон прямо указывает на степень интенсивности этого воздействия, определяя, что оно должно быть не опасным для жизни или здоровья человека. В теории уголовного права общепризнанно, что такое воздействие может выразиться в нанесении потерпевшему побоев, ограничении его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), в совершении иных (помимо побоев) насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, и т.п. [20, 21, 22, 23, 24].

Психическое насилие при совершении хищения представляет собой выражение любым способом (устно, жестами) угрозы немедленно применить к человеку физическое воздействие соответствующей интенсивности. Вменяя этот признак, следует учитывать, что насилие при грабеже (как физическое, так и психическое) должно использоваться виновным именно как средство завладения имуществом (у нас – наркотическими средствами или психотропными веществами) либо как средство удержания фактически изъятого предмета. Рывок при грабеже (например, виновный вырывает из рук врача «скорой помощи» чемоданчик с находящейся в нем ампулой наркотического средства промедола) не превращает последний в насильственное преступление. Рывок не представляет собой непосредственного физического воздействия на потерпевшего с целью преодоления предполагаемого либо фактически оказываемого сопротивления.

Судя по тексту закона, этот признак предусмотрен в качестве квалифицирующего не только для хищения наркотических средств или психотропных веществ, но и для вымогательства этих препаратов. Таким образом, законодатель предполагает ситуацию, когда вымогатель, высказывая угрозу, обращенную в будущее, сопровождает ее фактическим применением насилия к потерпевшему, которое призвано подкрепить соответствующее обещание и подтвердить его реальность. Однако несколько надуманной представляется ситуация, когда вымогатель, высказывая угрозу, обращенную в будущее, подкрепляет ее угрозой немедленного причинения физического вреда потерпевшему. Подобная формулировка не соотносится и с текстом ст. 163 УК, предусматривающей ответственность за вымогательство, где в п. «в» ч. 2 в качестве квалифицирующего признака названо применение насилия, не дифференцированного на виды, и не идет речь о применении угрозы насилем. Несмотря на то, что вымогательство названных средств и веществ, является самостоятельным посягательством, но, тем не менее, это специальный вид вымогательства, и в законе должна присутствовать преемственность при формулировании «родственных» составов. Основная специфика вымогательства, названного в ст. 229 УК, заключается в свойствах предмета преступлений, остальные же объективно-субъективные признаки этого деяния и преступления, предусмотренного ст. 163 УК, практически тождественны. Вполне очевидно, что и набор квалифицирующих признаков должен совпадать, тем более что отличие в формировании рассматриваемого квалифицирующего признака (да и большинства остальных) совершенно не обусловлено спецификой вымогательства, предусмотренного ст. 229 УК.

Совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Насилем, опасным для жизни или здоровья, в теории уголовного права признается такое физическое воздействие на лицо, результатом которого явилось причинение потерпевшему смерти, тяжкого, средней тяжести либо легкого вреда его здоровью*.

К подобного рода насилию относится и такое физическое воздействие, которое в момент применения по своему способу представляло собой реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, даже в ситуациях, когда фактический вред лицу причинен не был (например, сдавливание шеи руками, сбрасывание с высоты, длительное насильственное удержание под водой, выталкивание из движущегося транспорта и др. насилем, опасным для жизни или здоровья, признается также введение в организм потерпевшего помимо его воли ядовитых, отравляющих, сильнодействующих веществ [25, 26, 27].

Угроза применить насилие, опасное для жизни или здоровья, представляет собой психическое воздействие на лицо, обещание немедленного применения к нему физического насилия при отказе от выполнения требований виновного. Угроза должна быть

* Причинение в ходе хищения или вымогательства наркотических средств или психотропных веществ легкого, средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью потерпевшего оказывается составом данного преступления и не требует дополнительной квалификации по ст. ст. 111, 112, 115 УК. Если умышленное причинение тяжкого вреда повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, а равно, если было совершено его убийство, однократное надлежит дополнительно квалифицировать, соответственно, по ч. 4 ст. 111 либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

действительной и реальной. Способы выражения угрозы различны (слова, жесты, демонстрация оружия), на квалификацию, как правило, это обстоятельство не влияет. Насилие при совершении хищения, как уже отмечалось выше, применяется для преодоления ожидаемого либо фактически охватываемого потерпевшим сопротивления, а также для удержания изъятого наркотического средства или психотропного вещества.

В связи с тем, что в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК речь идет о применении насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения, теоретиками уголовного права был сделан вывод о том, что в данном случае закон имеет в виду совершение хищения наркотических средств или психотропных веществ в форме разбойного нападения. Аналогичного мнения придерживается и Верховный Суд Российской Федерации [28]. Однако, анализ текста закона не дает оснований для подобного вывода. Согласно ч. 1 ст. 162 УК разбой представляет собой *нападение в целях хищения чужого имущества* (выделено нами – Авт.), совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия. Деянием, образующим объективную сторону разбоя, как известно, выступает нападение, сопряженное с определенного рода насилем, с момента совершения которого преступление считается оконченным. Хищение же, как таковое, является целью при совершении разбойного нападения, и его фактическое осуществление вынесено за рамки состава. Сравним текст ст. 163 УК с положениями ст. 229 УК. Часть 3 последней гласит: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены: ...в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой такого насилия...». Часть же первая статьи устанавливает: «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ...». Другими словами, следуя букве закона, содержание п. «в» ч. 3 ст. 229 УК необходимо понимать следующим образом: «Хищение либо вымогательство, если они совершены с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой такого насилия...». Таким образом, в ст. 229 УК речь идет не о нападении, а именно о хищении. Понятие хищения, содержащееся в примечании 1 к ст. 158 УК, предполагает фактическое изъятие чужого имущества и (или) обращение его в пользу виновного или других лиц, причинившие определенный ущерб.

Следовательно, «урезая» состав хищения, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК, перенося момент его окончания на более раннюю стадию, мы нарушаем положения закона, искажаем его содержание, давая последнему весьма вольное толкование. Основываясь на свое толкование на аналогии, проводимой со ст. 162 УК, что вряд ли допустимо в подобной ситуации. На наш взгляд, законодатель действительно предполагает в данном случае разбойное нападение, но формулировка закона не является тому подтверждением. В связи с вышеизложенным считаем необходимым изменение текста закона для исключения противоречия между его содержанием и толкованием, а, в конечном счете, и применением на практике. УК РСФСР 1960 года в ч. 3 ст. 224.1 предусматривал ответственность за хищение наркотических средств путем разбойного нападения. Такая формулировка не вызывала сложностей в процессе толкования и применения закона. Однако в специальной литературе высказываются и иные мнения. Так, Л.Л. Крутлик считает, что «...заслуживает одобрения отказ от признака «хищения наркотических средств путем разбойного нападения» (ч. 3 ст. 224.1 УК 1960 г.) и замена его признаком: «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия». Тем самым, во-первых, обеспечивается преемственность с признаком «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья...» и, во-вторых, устранена причина разнобоя на практике, наблюдавшегося в прошлом при толковании и применении упомянутого в ч. 3 ст. 224.1 квалифицирующего признака» [29]. Представляется, что для «разнобоя» основания появились в связи с принятием УК 1996 г., формулировка же ч. 3 ст. 224.1 УК РСФСР 1960 г. была предельно четкой и ясной.

При совершении вымогательства насилем, опасным для жизни или здоровья, а равно угроза применения такого, должны выступать средством подкрепления угрозы, сопровождающей предъявляемое виновным требование и обращенной в будущее, но

не должны сочетаться с одновременным изъятием наркотического средства или психотропного вещества. В последней ситуации речь идет уже о разбое, но не вымогательстве. Однако это признак выглядит чужеродным для вымогательства, о чем мы уже говорили выше при анализе признака «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья...».

Совершение преступления с применением насилия или угрозы его применения. Рассматриваемый квалифицирующий признак характерен лишь для одного из посягательств в сфере нелегального оборота наркотических средств или психотропных веществ – для склонения к их потреблению (п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ). В данном случае закон не дифференцирует насилие*. В связи с этим возникает вопрос о том, причинение какого же конкретно вида вреда здоровью охватывается п. «г» ч. 2 ст. 230 УК. Анализ рассматриваемой нормы и норм, предусматривающих ответственность за преступления против здоровья личности, и, в первую очередь, их санкций, позволит заключить, что максимальное насилие, охватываемое п. «г» ч. 2 ст. 230 УК, образует умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 111 УК). При нанесении потерпевшему более тяжкого вреда требуется дополнительная квалификация по соответствующей статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья (например, по ч. 1 ст. 105 УК).

Содержание угрозы при совершении склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ может образовывать обещание причинить любой вред здоровью потерпевшего, а также лишить его жизни.

Совершение преступления, повлекшего по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Этот квалифицирующий признак в формулировке «..., повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия» предусмотрен законом для такого посягательства, как склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ч. 3 ст. 230 УК). Формулировка «..., повлекшего по неосторожности причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия» свойственна ч. 2 ст. 228.2 УК.

Обратим внимание на следующий момент. Причинение смерти по неосторожности может быть обусловлено умышленным причинением тяжкого вреда здоровью склоняемого. Этот вывод следует из формулировки ч. 3 ст. 230: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего...». Таким образом, исходя из анализа текста закона, дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 111 УК в этой ситуации не требуется. Однако, анализ санкций ч. 4 ст. 111 («...наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет») и ч. 3 ст. 230 УК («...наказывается лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет») приводит нас в некое «тупиковое» положение. В специальной литературе справедливо отмечается: «Основываясь на положении, что норма – целое (имеется в виду ч. 3 ст. 230 УК, составляющими которой являются склонение – ч. 1 ст. 230 УК и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – ч. 4 ст. 111 УК – Авт.) по степени общественной опасности никак не может быть меньше степени общественной опасности ее составляющих норм-частей, полагаем, что уголовно-правовыми правилами объяснить такое разночтение в наказании затруднительно» [30].

Казалось бы, поскольку деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК, более общественно опасно, его совершение не может охватываться ч. 3 ст. 230 УК. Но, с другой стороны, дополнительно вменять причинение смерти по неосторожности при квалификации деяния, уже включающего в себя это обстоятельство, просто абсурдно. Поэтому, безусловно, законодателю надлежит привести санкцию ч. 3 ст. 230 УК в соответствие с санкцией ч. 4 ст. 111 УК. Смерть по неосторожности может наступить при совершении

* Понятие насилия и угрозы его применения было дано выше.

склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ и в иных ситуациях: например, в результате передозировки препарата, насильственного вводимого в организм склоняемого (если склонение выражается в такой форме), в аналогичной же ситуации – в результате заражения крови – сепсиса – от использования нестерильной иглы и др.

Категория «иные тяжкие последствия» является оценочной, законодатель не раскрывает содержания этого понятия, предоставляя правоприменителям самостоятельность в решении данного вопроса. Отнести те или иные последствия к категории тяжких или нет, должны решать следователь, судья в каждой конкретной ситуации с учетом всех фактических обстоятельств дела и характера наступивших последствий. В частности, тяжкими в контексте ст. 230 УК могут признаваться следующие последствия: самоубийство потерпевшего, расстройство у него психической деятельности (но не как разновидность умышленного причинения тяжкого вреда здоровью), заражение ВИЧ-инфекцией в результате использования нестерильной иглы либо иным серьезным заболеванием, например, гепатитом «С», заболевание склоняемого наркоманией (если склонение выражалось в насильственном введении в организм потерпевшего соответствующих препаратов помимо его воли) и некоторые другие.

В отношении включения в перечень последнего из названных нами последствий в литературе высказана иная позиция, суть которой заключается в следующем: «...понятие тяжких последствий не включает заболевание наркоманией и токсикоманией, поскольку по юридической конструкции ч. 3 ст. 230 УК тяжкие последствия причиняются по неосторожности, а отношение виновного к заболеванию наркоманией является умышленным. Чаще всего субъект затем и вовлекает потерпевшего, чтобы сформулировать у него физическую и психическую зависимость...» [31]. Представляется, что столь категоричное утверждение вряд ли справедливо для всех ситуаций склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Действительно, в отдельных случаях виновный стремится к достижению цели формирования у склоняемого наркотической зависимости, действуя при этом умышленно. В этой ситуации заболевание наркоманией следует расценивать как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В отдельных же случаях отношение виновного к наступлению подобного последствия может выражаться и в форме неосторожности. Например, виновный, движимый чувством мести, не преследуя цели сформировать у лица наркозависимость, склоняет его к потреблению наркотического средства путем насильственного введения последнего в организм потерпевшего. Не являясь специалистом и, соответственно, не оценив особенности организма, состояние здоровья склоняемого и дозу применяемого препарата, виновный своими действиями вызывает заболевание потерпевшего наркоманией. Отношение к названному последствию является неосторожным (вид неосторожности – небрежность).

Тяжкими последствиями при совершении преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК, могут признаваться, в частности, выход в нелегальный оборот значительного количества соответствующих препаратов, существенное нарушение нормальной деятельности какой-либо организации (например, лечебного учреждения, лишившегося необходимых наркотикосодержащих лекарственных препаратов) и др.

Субъективная сторона деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 230 УК и частично ч. 2 ст. 228.2 (при умышленном нарушении соответствующих правил), специфична, ибо она характеризуется двойной формой вины. Отношение виновного к деянию – склонению к потреблению наркотических средств или психотропных веществ либо к нарушению правил – умышленное (прямой умысел), а к последствиям – причинению вреда здоровью человека, смерти потерпевшего или иным тяжким последствиям – неосторожное, что прямо следует из текста закона. Неосторожность при этом чаще всего выступает в виде небрежности.

Совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего, лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста, либо двух или более лиц. Данное обстоятельство квалифицирует деяние, предусмотренное ст.228.1 УК, и склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Для первого свойственно совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего либо лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста; для второго – совершение в отношении заведомо несовершеннолетнего либо двух или более лиц.

Повышенная степень общественной опасности деяния обусловлена в данном случае спецификой круга потерпевших. Во-первых, это могут быть несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, или лица, заведомо не достигшие четырнадцати лет. Для вменения этого признака необходимо установить, что виновный достоверно знал о том, что склоняемое лицо не достигло совершеннолетия или четырнадцати лет, то есть это обстоятельство охватывалось его умыслом.

Применительно к анализу склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ заведомо несовершеннолетнего возникает проблема, связанная с определением возраста уголовной ответственности за это посягательство. Здравый смысл подсказывает, что усиление ответственности за склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотиков предусмотрено именно в отношении взрослых лиц, социальным долгом которых является формирование и закрепление в сознании подростков позитивных установок, стремления к социально одобряемым формам поведения. Поэтому вполне обоснованным представляется решение законодателя, установившего повышенный возраст уголовной ответственности – восемнадцать лет – за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, иных антиобщественных действий и за совершение в отношении заведомо несовершеннолетнего преступления, предусмотренного ст.228.1 УК.

Однако законодатель непоследователен в своей позиции, поскольку не оговаривает специальный возраст субъекта в п. «в» ч. 2 ст. 230, предусматривающей ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ несовершеннолетних. В литературе высказывается мнение о том, что субъектами названных преступлений могут так же быть только лица, достигшие совершеннолетия [32], но это – аналогия с установлениями ст. 150 (ныне – и ст. 228.1) УК, решение, не основанное на соответствующих положениях закона. Таким образом, законодатель, освобождая* от уголовной ответственности подростков в возрасте от 16 до 18 лет за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, являющееся наиболее опасной формой девиантного поведения, тем не менее, не считает возможным аналогично решить вопрос в отношении деяний, направленных на приобщение к менее пернициозным формам отклонения (потребление наркотических средств, как известно, не является преступлением). Представляется, что в тексте ст. 230 должно быть включено положение о том, что ответственности за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ несовершеннолетних подлежат лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ двух или более лиц предполагает реализацию виновным *единого* умысла в отношении именно двух или более лиц. Преступные действия, образующие склонение, могут совершаться как одновременно в отношении всех лиц, так и в разное время.

Совершение преступления с использованием своего служебного положения. Этот квалифицирующий признак предусмотрен законодателем для преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК, а также для хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ.

* Термин «освобождение» употребляется здесь условно, не для обозначения уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности.

По нашему мнению, применительно к вымогательству данный признак вряд ли имеет право на существование. Усиление ответственности для лиц, использующих свое служебное положение при совершении преступления, обусловлено тем, что благодаря наличию у них особых полномочий процесс совершения ими преступления значительно облегчается, увеличиваются шансы успешного доведения его до конца. Лицу, которому в связи с занимаемым им служебным положением, вверяются наркотические средства или психотропные вещества, значительно проще совершить их незаконное изъятие. Для вымогательства же этот квалифицирующий признак не актуален.

Субъектами в названных ситуациях могут выступать должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции в негосударственных организациях и учреждениях, а также лица, наделенные определенными полномочиями в отношении вверенных им наркотических средств или психотропных веществ в связи с выполнением ими соответствующих служебных обязанностей. Это могут быть: главные врачи, заведующие отделениями лечебных учреждений, старшие медицинские сестры, заведующие фармацевтическими учреждениями, начальники секторов научно-исследовательских учреждений и т.д. Поскольку ст. 228.1 и 229 УК содержат такой квалифицирующий признак, дополнительная квалификация деяния, совершенного соответствующими лицами, по ст. ст. 201 и 285 УК не требуется.

Анализ содержания иных преступных деяний, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, приводит к выводу о необходимости дополнения наборов квалифицирующих признаков, предусмотренных для таких посягательств, как склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК), организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК), рассматриваемым квалифицирующим обстоятельством. Субъектом деяния, предусмотренного ст. 230 УК, в такой ситуации чаще всего будут выступать педагоги, воспитатели, работники исправительных учреждений и т.д.; ст. 232 УК – лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (например, создающие притоны под «крышей» возглавляемой организации – кафе, бара, казино и т.д.); ст. 233 УК – только должностные лица (например, обладающие правом на выдачу лицензий на определенный вид деятельности в сфере легального оборота наркотических средств или психотропных веществ), а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, осуществляющих соответствующую деятельность. Этот вывод обусловлен тем обстоятельством, что субъект незаконной выдачи рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, и в основном составе преступления специальный.

Включение указанного квалифицирующего признака в текст вышеперечисленных статей облегчит процесс уголовно-правовой оценки соответствующих преступных деяний, исключив необходимость квалификации их по совокупности с иными посягательствами.

Совершение преступления *из корыстных побуждений* (ч.2 ст. 228.2 УК) означает стремление виновного к получению в результате посягательства какие-либо выгоды имущественного характера.

Таким образом, нами рассмотрены некоторые вопросы уголовно-правовой оценки преступных посягательств, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, при наличии квалифицирующих признаков, выступающих в качестве важных обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность и наказание. Высказанные нами предложения о формировании новых квалифицированных составов преступлений названного вида будут способствовать дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых средств борьбы с крайне опасным негативным социальным явлением – наркотизмом.

Список литературы

1. Кругликов Л.Л., А.В. Васильевский. Дифференциации ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С.165.
2. Кругликов Л.Л., А.В. Васильевский. Дифференциации ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С.170.
3. Назумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1997. С. 301.
4. Красиков Ю.А. Соучастие в преступлении. В кн.: Уголовное право России. Учебник. Общая часть. М., 1998. С. 236.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий. М., 1997. С. 76.
6. Кочев С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С.140.
7. Литовченко В. Квалифицирующие признаки кражи личного имущества граждан // Социалистическая законность. 1974. №2. С.62.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за блуждания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2 (п. 4).
9. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 199.
10. Гашахбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С.73.
11. Осип В. Преступление совершено организованной группой / Российская юстиция. 1995. №5. С.22.
12. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С.121.
13. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С.122.
14. Лопышева Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 236.
15. Прохорова М.Л. Наркотики: уголовно-правовое и криминологическое наследование. СПб., 2002. С.253-254.
16. Кругликов Л.Л. О дифференциации ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминологии, прокурорского надзора. М., 2000. С. 7.
17. Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 7.
18. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. №76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 11 февраля.
19. Борисов А.Н., Борисова О.В. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 228 и 229 УК РФ // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминологии, прокурорского надзора. М., 2000. С. 9-10.
20. Гаухали Л.Д., Максимов С.Д. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. С. 93-94.
21. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 155.
22. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Ноздровой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 228.
23. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатьева, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 200.
24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Пункт 21 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. №2.
25. Постановление пленума Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002 г. (п. 21).
26. Гаухали Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С. 100-101.
27. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Рагимова, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 185.
28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июля.
29. Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 7.
30. Иногумова Л.В. К вопросу о склонении к потреблению наркотических средств или психотропных веществ // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминологии, прокурорского надзора. М., 2000. С. 39.
31. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Ноздровой, Г.П. Новоселова. С. 440.
32. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Саратов, 1999. С. 131.

**PROBLEMS OF CRIMINAL AND LEGAL TREATMENT OF CRIMINAL
OFFENSES CONNECTED WITH ILLEGAL DRUG TRAFFICKING SPECIFIED
AS HAVING QUALIFYING FEATURES**

L.A. Prohorov ¹⁾, M.L. Prohorova ²⁾

¹⁾ Kuban State University, Stavropol'skaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia;
e-mail: hooligang@mail.ru

²⁾ Kuban Agriculture State University, Kalinina St., 13, Krasnodar, 350044, Russia;
e-mail: hooligang@mail.ru

The present article deals with the problems of criminal offense qualification connected with the trafficking of drugs, psychotropic substances and their equivalents at qualifying and particular qualifying characteristics. An analysis of appropriate circumstances is offered in accordance with their classification provided by the authors. The article expresses and justifies proposals on the formation of new qualified types of the given criminal offenses.

Key words: differentiation of criminal responsibility and punishment, aggravation, qualificatory features, offenses connected with illegal drug trafficking, drugs, psychotropic substances, criminal legal drug control.